

Вторая тётушка Фан высунулась из кухни и позвала сестру с братом, сидевших во дворе, зайти внутрь.

— Ху-цзы, Сяо-пин, идите сюда, надо поговорить.

— Идём, матушка. Что за разговор такой, что обязательно нужно в кухню идти?

— Вот именно, матушка! У меня всё платье теперь в кухонной копоти! — недовольно протянула Фан Сяо-пин.

Фан Нин, который до этого лежал в комнате, притворившись мёртвым, услышав это, тихонько поднялся и прильнул к дверной щели. Он хотел узнать, не замышляют ли они чего дурного, раз решили шептаться за его спиной — добром это точно не кончится.

Прислушивался он долго, но так ничего и не разобрал. В конце концов Фан Нин махнул рукой: будь что будет. Следить за тем, как они строят козни, — только силы зря тратить.

— Ху-цзы, Сяо-пин, мы с вашим отцом хотим кое-что сказать. Смотрите, держите языки за зубами, никому ни слова, понятно?

— Отец, что случилось? Не томите, выкладывайте! Мы с сестрой всегда умели хранить секреты, не волнуйтесь!

— Верно, отец, говорите же скорее!

Второй дядюшка Фан переглянулся с женой, посмотрел на детей и заговорил:

— Сын нашего помещика хочет взять в наложники гу-эра. Мы с матушкой подумали и решили отдать ему Фан Нина.

— Отец, нет! А кто тогда будет делать всю работу по дому? Я не согласна! — Фан Сяо-пин и не думала отпускать Фан Нина. Если он уйдёт, то кто станет прислуживать ей? Придётся всё делать самой, а она этого совсем не хотела.

— Не перебивай отца, девчонка! Дай договорить!

— Ладно... говори, отец.

— Так вот, помещик сказал, что даст за наложника пять лямов серебра!

— Так много?! Отец, соглашайся скорее! Пять лямов! — Фан Ху, услышав о такой сумме, сразу

оживился: он как раз задолжал один лям в азартных играх.

Фан Сяо-пин тоже притихла — это ведь огромные деньги! Сколько одежды, украшений и сладостей можно купить!

Вторая тётушка Фан поняла, что семья пришла к согласию.

— Сейчас главное — сделать так, чтобы этот паршивец Фан Нин сам захотел выйти замуж!

Фан Ху, будучи прожжённым бездельником, тут же выдал план:

— Давайте так: сначала скажем ему прямо. Если согласится — отлично. А если начнёт упрямиться, то... — он самодовольно ухмыльнулся.

Фан Сяо-пин брезгливо пнула его ногой:

— Что «то»? Говори давай!

— А то — огреем его по голове, свяжем, засунем в паланкин и отправим! Хочет он того или нет — придётся!

Второй дядюшка и вторая тётушка просияли:

— Хорошо! Решено! Так и сделаем!

В обеденное время случилось невероятное: Фан Сяо-пин, вопреки обыкновению, пришла позвать Фан Нина поесть.

Фан Нин не был голоден, но, учитывая, что по легенде он не ел уже три дня, было бы подозрительно отказываться. Хотя он прекрасно понимал, что эта семейка замышляет недоброе.

Выйдя вслед за Фан Сяо-пин, он увидел во дворе квадратный стол, покрытый толстым слоем грязи. На столе стояло пять мисок — значит, и на его долю рассчитывали.

В мисках была такая жидкая каша, что можно было пересчитать каждое зёрнышко, а на тарелке лежала варёная зелень без единой капли масла. У Фан Нина всё внутри протестовало, но он сел за стол и стал ждать, когда они начнут разговор.

Члены семьи переглядывались, подталкивая друг друга локтями, пока второй дядюшка Фан не взял инициативу на себя:

— Э-э... Фан Нин, тут такое дело...

Фан Нин сразу понял: началось.

— Дядюшка, слушаю вас.

— Сам понимаешь, мы кормим тебя уже полгода. Тебе восемнадцать, ты уже взрослый гу-эр. Мы с тётушкой подыскали тебе хорошую партию! У помещика на востоке деревни дом из синего кирпича, крытый черепицей! Будешь жить в достатке, ни в чём не нуждаясь!

Фан Нин наконец понял, что задумал этот старик: хочет продать его, чтобы нажиться!

— А почему тогда кузина не выйдет за него?

— Я? В наложницы?! — воскликнула Фан Сяо-пин, не подумав. — Я выйду замуж в город, буду госпожой!

Фан Нин усмехнулся про себя. Тебе скоро двадцать, в наше время, когда девицы выходят замуж в пятнадцать-шестнадцать, ты уже «старая дева». Какой богач из города возьмёт деревенщину? Только они одни и живут в своих нелепых мечтах. А про то, что он, восемнадцатилетний, якобы «старый гу-эр», — так это потому, что эта семейка пиявок высасывала из него все соки! Ни один нормальный мужчина не рискнул бы взять его в жёны, зная, что эта родня обдерёт его как липку!

— Почему именно я должен идти в наложники? Если партия такая хорошая, пусть кузина выходит, ей ведь тоже уже двадцать, не так ли?

Фан Ху, видя, что Фан Нин увиливает от ответа, потерял терпение:

— Короче, ты выйдешь или нет?

— Не выйду! Так хочешь — сам и иди! — Фан Нин с грохотом бросил палочки и встал из-за стола.

Все четверо помрачнели. Они были в шоке: Фан Нин стал совсем другим, раньше он никогда не смел так себя вести! Но терять пять лямов серебра они не собирались.

Вторая тётушка Фан прошипела сквозь зубы:

— Ах ты паршивец! Договоримся с помещиком о времени, ударим его по голове и погрузим в паланкин! Никуда он не денется!

— Ладно! Матушка, это дело я беру на себя! — Фан Ху самодовольно похлопал себя по груди.

Фан Нин сидел на деревянной кровати, чувствуя, как лицо пылает от гнева. Он и представить не мог, что эта семья — такие твари! Он думал, худшее, что его ждёт, — брак с вдовцом, но стать наложником? У них совсем нет дна!

Раз дело зашло так далеко, они не отступят. Нужно быть начеку и следить за каждым их шагом, чтобы не дать им осуществить свой план.

<http://bllate.org/book/19374/1893634>